

Глава 9

Этот негодяй Цзи Хуайчжэнь, бросив несколько двусмысленных фраз, оставил Яньчи и удалился в соседнюю комнату для омовения.

Ощупывая свою нежную, холёную кожу, возвращённую на чистом золоте и серебре, он думал, что этому паршивцу Яньчи несказанно повезло. Однако, вернувшись в комнату после купания, он увидел, что Яньчи всё так же глупо сидит на кровати. Заметив, как Цзи Хуайчжэнь вошёл в одних лишь коротких штанах, срамно обнажив ноги, тот тут же растерянно отвёл взгляд, не зная, куда деваться.

Цзи Хуайчжэнь вспыхнул от гнева. — Искупаться не догадался? В «Хунсю Тяньсян» не учат, как ублажать гостей?

Яньчи, залившись краской, сделал вид, что спокоен, и кивнул. А затем неожиданно шагнул вперёд и обхватил Цзи Хуайчжэня за талию.

Это застало Цзи Хуайчжэня врасплох. Он инстинктивно обнял Яньчи за шею, подумав: «Неужто этот дурак прозрел?»

Разгорячённое после ванны тело окутывал пар, отчего тонкая одежда стала влажной. Яньчи лишь прижал его к себе, а дыхание его уже стало тяжёлым и сбивчивым. Заставив себя отвести взгляд, он крепко удержал Цзи Хуайчжэня и уложил его на кровать.

Давно не находя разрядки и уже изведав вкус плоти, Цзи Хуайчжэнь, лишь взглянув на лицо Яньчи, исполнился предвкушения.

Он вам не праведник и не святая дева.

Едва голова коснулась мягкой подушки, как похоть, проснувшись в нём, ударила в мозг. Он уже собрался было дёрнуть Яньчи за одежду, как в следующую секунду его плотно завернули в одеяло, укутав вместе со всем его вожделением.

Яньчи коснулся губами его лба и тихо прошептал: — Укройся... не простудись.

Цзи Хуайчжэнь потерял дар речи.

Кажется, на этом всё его терпение иссякло.

Он беспомощно смотрел, как Яньчи, бросив его одного, поспешно сбежал, неизвестно куда. В ярости Цзи Хуайчжэнь разразился бранью в сторону удаляющейся спины: — Эй, ты, по фамилии Янь, вернись! Не будь неблагодарным! Если посмеешь оставить меня здесь одного, то

катись ко всем чертям, да подальше!

Кого бы он, Цзи Хуайчжэнь, ни пожелал, стоило ему лишь поманить пальцем — и дело было в шляпе. Но такого упрямого и непонятливого болвана он встречал впервые.

Неизвестно, услышал ли тот его угрозы и гневные тирады, но через мгновение Яньчи вернулся с тазом воды. — Говори потише, — прошептал он, — снаружи всё слышно.

Цзи Хуайчжэнь уже готов был разразиться новой бранью, но Яньчи, опустив голову и густо покраснев, принялся развязывать пояс.

Юноша обладал мощным телосложением: широкие плечи, узкая талия, а под тонким слоем мышц скрывалась поразительная сила. Цзи Хуайчжэнь, повидавший на своём веку немало людей, с одного взгляда определил, что этот парень — настоящий клад. Стоило ему на мгновение замереть, как всё недовольство тут же улетучилось. Ещё до того, как они оказались в постели, он размышлял, кто кого возьмёт, но стоило Яньчи скинуть одежду, как Цзи Хуайчжэнь, едва взглянув, тут же захотел, чтобы взяли его.

«Нужно заставить Яньчи трахнуть меня, обхватив сзади», — подумал Цзи Хуайчжэнь. — «Не умеет? Научу».

Яньчи, не говоря ни слова, стоял спиной к Цзи Хуайчжэню. Тело его, дикое и необузданное, походило на статью неукротимого скакуна. Взяв сухую ткань, он смочил её в медном тазу и молча принялся обтираться.

Вскоре свет в комнате погас. Раздался лишь глухой звук мокрой ткани, упавшей обратно в таз, и брызги воды, шлёпнувшие по столу. Кровать с одной стороны прогнулась — это Яньчи, совершенно нагой, лёг рядом.

Он опустился на колени у края кровати и в темноте дрожащими руками принялся распускать одежды Цзи Хуайчжэня.

Подушечки его пальцев были покрыты тонким слоем мозолей — верный признак искусного лучника. От его осторожных, бережных прикосновений Цзи Хуайчжэнь почувствовал нестерпимый зуд, и в душе его зародилось странное, необъяснимое волнение.

— Ты чего покраснел?

На самом деле он ничего не видел, просто решил поддразнить Яньчи.

Тот промолчал, укрыл их обоих одеялом и лёг рядом. Теперь они действительно соприкасались плотью к плоти, сердцем к сердцу.

Обтирание холодной водой не помогло. Горячее тело тут же охватило его жаром. Яньчи обнял Цзи Хуайчжэня и замер, уткнувшись своим высоким носом ему в шею и жадно вдыхая его запах, такой же необузданный, как в ту ночь, когда он потерял контроль. Тысячи терзаний, десятки тысяч сомнений... В итоге он лишь сдержанно коснулся губами щеки Цзи Хуайчжэня и, не в силах сдержать тяжёлого дыхания, принялся снова и снова уверять: — Я буду очень хорошо к тебе относиться...

Даже Цзи Хуайчжэнь, привыкший к любовным интригам и не принимавший чужие чувства всерьёз, был ошеломлён поступком Яньчи.

Жадность, гнев, невежество, мимолётные страсти — в конце концов, всё сводилось к простому удовлетворению потребностей.

Неужели этот Яньчи и вправду не желал ничего, кроме Лу Шии?

Пока он размышлял, Яньчи, словно не в силах насытиться, снова потянулся за поцелуем.

На этот раз он целился в губы, но Цзи Хуайчжэнь резко отвернулся, уклоняясь.

Он был тем ещё распутником, и в поцелуе не было ничего особенного. Чего он только не делал в постели во время любовных игр. Но в глубине души он не хотел этого с Яньчи. Тот замер, не понимая, почему Цзи Хуайчжэнь уклонился. Но размышлять было некогда: его член внизу оказался в чьей-то руке. Он резко и хрипло выдохнул, уткнувшись лбом в плечо Цзи Хуайчжэня, и рефлекторно отпрянул.

Цзи Хуайчжэнь, лаская его, смеялся. Просто разделить и лечь в объятия друг друга — и уже такой твёрдый. Воистину нетерпеливый. Его жеребьячий член в руке Цзи Хуайчжэня был твёрдым и горячим. — А ты умеешь терпеть, — со значением усмехнулся Цзи Хуайчжэнь.

В темноте лицо Яньчи вспыхнуло ещё жарче.

— Правда никогда ни с кем не был?

Яньчи не ответил. Он слегка приподнялся, отчего одеяло над ним выгнулось дугой, и сжал ягодицы Цзи Хуайчжэня.

Спустя долгое молчание Яньчи тихо произнёс: — ...Видел, как другие это делают.

Цзи Хуайчжэнь заинтересовался и принялся допытываться, где, когда и что именно он видел. Яньчи стеснялся, и тогда Цзи Хуайчжэнь начал всячески его дразнить, обхватив ногами его талию и потираясь своим возбуждённым членом о его. В конце концов, Яньчи не выдержал. Он прижал Цзи Хуайчжэня к кровати и, освоившись без всяких уроков, придавил его бёдра. — ...Видел, как другие еб... еб... — в гневе и смущении пробормотал он.

Он «еб-еб» ещё некоторое время, так и не сумев произнести слово целиком, и наконец, решившись, признался, что видел, как кто-то насиловал овцу.

Цзи Хуайчжэнь, обняв его, рассмеялся и, прижавшись к уху, прошептал, что сегодня научит его ебать людей.

Сказав это, он снова начал тереться о тело Яньчи.

Фэньчжоу был пограничной землёй, и здешние гостиницы не могли сравниться со столичными, с их высокими кроватями и мягкими подушками. От одних только движений Яньчи, который, обхватив его ноги, тёрся о него, со всех сторон задувал сквозняк, заставляя Цзи Хуайчжэня всё крепче цепляться за него.

От соприкосновения тел им стало жарко, а от жары они вспотели. Цзи Хуайчжэнь прижал голову Яньчи к своей груди, заставляя его лизать соски, и командовал им, как слугой.

Такая близость, скрытая за пологом кровати, смешение стонов и вожделения — всё это и вправду напоминало первую брачную ночь.

Чем больше Яньчи целовал, тем необузданнее он становился. В конце концов, он потерял контроль над силой, сжал талию Цзи Хуайчжэня и грубо вжал его в кровать. Его грозное оружие, трепещущее от нетерпения, опасно упёрлось в единственное нежное место меж ног того, кто был под ним, и неумело заёрзало.

Хватка была сильной. Цзи Хуайчжэнь подумал, что завтра на его талии точно будет синяк. Он холодно усмехнулся про себя: «Чуть не ошибся в нём. Вне постели притворяется паинькой, а в постели, дорвавшись до плоти, сожрёт и костей не оставит».

Цзи Хуайчжэнь перевернулся и, соблазняя, уложил Яньчи на спину, а сам решительно оседлал его крепкий, мускулистый живот.

Копна тёмных волос упала вперёд, скрыв хитрый расчёт в его глазах.

Он нащупал под подушкой заранее припасённую баночку, зачерпнул комок мази. Член у Яньчи был большим, так что мази нужно было много, чтобы не страдать. Переплетя их пальцы, он нанёс мазь на его руку.

Яньчи на мгновение заколебался и снова, портя весь момент, попытался укутать Цзи Хуайчжэня в одеяло.

Цзи Хуайчжэнь мысленно обозвал его дурнем и, опережая, произнёс: — Сейчас не время беспокоиться о простуде. Снаружи я холоден, но внутри горяч. Войдёшь — сам узнаешь. Если совсем невтерпёж — просто обними меня. — Он направил руку Яньчи, обильно смазанную

мазью, в потаённое лоно за своей спиной.

Пальцы вошли внутрь, но его тело, повинаясь инстинкту, непроизвольно дёрнулось вперёд, раз за разом ударяясь в основание бёдер Цзи Хуайчжэня. От этой дикой, неудержимой силы Цзи Хуайчжэнь едва не рухнул на него. Видя, что Яньчи вот-вот не выдержит и обнимет его, Цзи Хуайчжэнь снова одним пальцем, словно сдвигая тысячу цзиней четырьмя льянами, коснулся точки между его бровей и, словно дрессируя собаку, оттолкнул его обратно на кровать.

Яньчи лежал на спине, его крепкая грудь тяжело вздымалась, отливая медовым оттенком от пота.

— Кто я?

Яньчи смотрел на него затуманенным взглядом, его кадык дёрнулся.

— Лу Ши...

Цзи Хуайчжэнь удовлетворённо улыбнулся. Именно этого он и хотел — чтобы Яньчи запомнил этот миг.

Он убрал палец ото лба Яньчи и сказал: — Хороший мальчик.

И всё же, до чего же жалкий.

Яньчи не знал о его мыслях. Его член болел от напряжения. Луна в море — отражение луны небесной; человек перед глазами — человек в сердце. Он так долго мечтал о Лу Ши, что больше не мог сдерживаться. Резко обхватив его, он сел и, не обращая внимания на сопротивление, одной рукой зафиксировал его голову у своей шеи, а другой — схватил за талию.

Нос Цзи Хуайчжэня с силой ударился о ключицу Яньчи, а в следующую секунду его грубо и глубоко поимели. От боли у него тут же хлынули слёзы. Новые обиды наложились на старые, и он, не раздумывая, впился зубами в плечо.

Он кусал и яростно ругался, называя Яньчи псом, скотиной, ослом, у которого член не как у человека. Он кричал, что тот только притворяется пайнкой, а в постели — настоящая тварь. Ещё и врал, что ни с кем не был, а сам, оказывается, такой умелый, так мастерски умеет трахать.

Яньчи глухо застонал. От ругани Цзи Хуайчжэня он весь вспыхнул, но лишь покорно подставлялся под укусы и позволял себя ругать. Он, никогда прежде не знавший такой неги, был на седьмом небе от удовольствия. Поясница онемела, на тыльной стороне ладоней вздулись синие вены. Если бы не остатки разума и безграничная нежность к тому, кто был в

его объятиях, он, вероятно, переломил бы ему талию.

Господин Цзи никогда не ошибался в людях. Этот Яньчи в постели оказался настоящим волком.

Его член, твёрдый, как железный пест, с грохотом сотрясал кровать. Хотя он и был молод, но его оружие было достаточно твёрдым, а его ребристая плоть, едва войдя, тут же заполнила всё нутро. Цзи Хуайчжэня подбрасывало от толчков, он колотил Яньчи по плечам, приговаривая: — Сукин ты сын, ты сделал мне больно, помедленнее!

В нём бушевал огонь, но его так сладостно трахали. Похоть и гнев смешались воедино. После нескольких толчков головка его члена заболела, и капля прозрачной жидкости упала на живот Яньчи.

Яньчи что-то бессвязно бормотал, растерянно целуя потные виски Цзи Хуайчжэня, и шептал какую-то чепуху. Цзи Хуайчжэнь прислушался — в основном это были ничего не значащие в постели любовные признания, снова и снова повторялась одна и та же фраза: он обязательно будет к нему хорошо относиться.

Цзи Хуайчжэнь стонал в ответ, на словах ругаясь, а руками прижимая его голову к своей груди. В самый разгар наслаждения он почувствовал, как член Яньчи стал предельно твёрдым и горячим. Тот сделал два резких, сильных толчка, крепко обнял его, и его тело едва заметно задрожало, а затем замерло.

Последние два толчка были такими, что Цзи Хуайчжэнь даже испугался. Никогда прежде в него не входили так глубоко. Это ощущение, когда наслаждение доходит до предела и переходит в боль, оставило в нём тревожный след. Только теперь он понял, что Яньчи всё это время входил не до конца, и лишь перед тем, как кончить, потерял контроль, вжимая его в кровать, словно желая затрахать до смерти.

Место их соединения стало мокрым и липким. В кроватном пологе стоял терпкий, мускусный запах семени, разжигающий желание.

Цзи Хуайчжэнь тихо рассмеялся: — Что-то ты слишком быстро.

Яньчи молчал, обнимая его и притворяясь мёртвым, с досадой на лице. Он был в растерянности, боясь вытащить член и запачкать кровать, чтобы Цзи Хуайчжэнь не стал потом воротить нос от «собачьей конуры». Поэтому он просто заткнул дыру своим оружием.

Цзи Хуайчжэнь лениво взглянул на него и мысленно усмехнулся: «И впрямь неопытный юнец».

— Ну что, теперь научился? — поддразнил он.

Яньчи обнял его и не отпускал, голос его звучал глухо, словно от смущения. — Научился, — тихо ответил он.

Он был явно раздосадован, но беспомощен. Вероятно, ему было стыдно смотреть в глаза, поэтому он просто обнял Цзи Хуайчжэня и повалился вместе с ним на кровать.

Его член, даже после извержения, не стал мягче, а наоборот, оставался твёрдым, как кость. Он снова вошёл внутрь, плотно заполняя его. Хотя он уже кончил один раз, возбуждение лишь усилилось. Не находя выхода своему вожделению, он просто тёрся о Цзи Хуайчжэня, явно желая повторить, но боясь, что тот не позволит. Выражение его лица было робким и жалким, но в обнажённом взгляде читалось желание разорвать его на части и пожрать.

Цзи Хуайчжэнь нарочно поддразнил его: — Неудивительно, что у тебя никого не было. С таким, как ты, кто захочет связываться? Красив, да бесполезен.

— Я же сказал, что научился! — сердито возразил Яньчи. — Почему ты всё время об этом говоришь? Неужели ты и дальше будешь это помнить?

При слове «дальше» они оба замерли.

Цзи Хуайчжэнь намеренно проигнорировал странное чувство в глубине души и поддразнил: — Буду говорить днём и ночью. Всё равно стыдно не мне.

Он коснулся рукой места их соединения, отчего Яньчи глухо застонал. Тот отпрянул, немного выйдя, а затем снова резко вошёл. Впившись зубами в плечо Цзи Хуайчжэня, он с силой произнёс: — ...Вот я и покажу тебе, полезен я или нет.

В комнате раздались влажные шлепки. От этого толчка у Цзи Хуайчжэня онемел затылок, а всё тело обмякло. Обхватив шею Яньчи, он прижался к нему, подаваясь навстречу грудью.

Яньчи молча перевернулся и навис над ним. Он развёл его ноги и прижал их, обнажая крепкие бёдра. Яньчи опустил взгляд, и один лишь вид собственной белёсой спермы, вытекающей из чужого тела, заставил его дыхание снова стать тяжёлым.

— Ты такой красивый...

Он успел сказать лишь это и снова вошёл внутрь. На этот раз удар пришёлся прямо в простату. Низ живота Цзи Хуайчжэня свело от кисло-сладкой судороги. Он вцепился в плечи Яньчи и, задыхаясь, поторопил: — Глубже... принеси подушку.

Когда Цзи Хуайчжэню было хорошо, он начинал беспорядочно царапаться и хвататься за всё подряд. Подушка уже давно валялась на полу. Яньчи на мгновение замешкался, затем одной рукой обхватил его за талию и, не вынимая члена, поднял его и понёс к подушке.

Резкая боль пронзила спину — это Цзи Хуайчжэнь в порыве наслаждения вцепился в него.

Он не ожидал, что этот парень окажется таким талантливым и сообразительным и додумается до такого, прежде чем он успеет его научить. Цзи Хуайчжэнь тут же забыл о подушке и позволил Яньчи, обхватив его, стоя у кровати, трахать себя лицом к лицу ещё несколько сотен раз.

Такая поза была не для всех, но Яньчи справлялся с ней с лёгкостью. Его член был достаточно толстым и длинным, а загнутая головка, словно острое лезвие, при каждом толчке спереди попадала точно в самое чувствительное место Цзи Хуайчжэня. Тот, опираясь одной ногой о пол и обвив другой талию Яньчи, в полном согласии отдавался его напору.

Лишь когда Яньчи в пылу страсти пытался поцеловать его, Цзи Хуайчжэнь быстро приходил в себя. Он хватал его за волосы и слегка оттягивал назад, в такт толчкам прижимаясь к его паху.

— Постони для меня, — флиртуя, чтобы отвлечь его, прошептал он.

Яньчи покраснел. В сексе он всё ещё был сдержан, во время соития не издавал ни звука. Любовные слова он говорил, но Цзи Хуайчжэню всегда хотелось чего-то более возбуждающего, хотелось спровоцировать его на грязные словечки.

Чем более развязным он становился, тем больше смущался Яньчи, и тем сильнее он его трахал, пока тело Цзи Хуайчжэня не обмякло окончательно, и у него уже не было сил его дразнить.

Последние несколько сотен толчков Яньчи вбивал его в кровать. Они уже совершенно забыли о том, что могут простудиться, движимые лишь одним желанием. Плечи Яньчи были все в следах от укусов и царапин Цзи Хуайчжэня. Их соитие походило на драку, кровать стонала и скрипела под их натиском.

Цзи Хуайчжэнь был им очень доволен. Хотя тот был новичком и многого не умел, но обладал выдающимся талантом: уже в первый раз едва не довёл его до оргазма.

Он с удовлетворением смотрел на потный лоб Яньчи и невольно подумал: «А что, если оставить его при себе? В качестве секс-раба для утех он был бы совсем неплох».

От этой мысли Цзи Хуайчжэнь сам вздрогнул. Подумать только, он захотел оставить рядом с собой человека неизвестного происхождения.

Словно почувствовав, что он отвлекся, Яньчи снова сжал его и вонзился с новой силой. От этого толчка всё внутри Цзи Хуайчжэня сжалось, и он едва не кончил вместе с ним. Яньчи замер внутри него, чтобы перевести дух. Кажется, его всё ещё задевало, что над ним посмеялись из-за слишком быстрого финала. Он твёрдо решил произвести на любимого человека неизгладимое впечатление и лишь целовал его плечи, чтобы унять желание,

грозившее сжечь его дотла.

— Шии... — шептал он, — Лу Шии, я обязательно буду к тебе хорошо относиться, только верь мне.

Он тёрся головкой о простату Цзи Хуайчжэня, выходя и снова входя. Слова его были нежны, но движения внизу не знали пощады. Кровать от его толчков сдвинулась с места. Он упирался ногами в пол, и со стороны могло показаться, что человек, которого он так яростно трахал, был его заклятым врагом.

Цзи Хуайчжэнь уже весь истёк соком, но всё равно кричал: — Ты делаешь мне больно! Идиот!

И этот парень действительно остановился.

Но как только он остановился, Цзи Хуайчжэнь рассердился ещё больше. Он уже собирался продолжить ругань, но увидел, как Яньчи с виноватым и смущённым видом наклонился и принялся целовать его в ухо. — Про... прости, — прошептал он, — я... я скоро буду хорошо тебе служить. Что скажешь, то и сделаю. Уже скоро. Ты... ты только потерпи немного.

Не успел он договорить, как снова, схватив Цзи Хуайчжэня за талию, яростно вошёл в него. Сила его толчков стала ещё больше, он проникал ещё глубже, а сам всё повторял и повторял, что ему жаль, что тот устал, что скоро он весь будет принадлежать ему — даже утешения его были неуклюжими.

Чем слаще были его речи, тем яростнее он трахал Цзи Хуайчжэня. Его «уже скоро» растянулось ещё на четверть часа неистового секса.

Цзи Хуайчжэнь холодно усмехнулся про себя. Если бы на его месте был тот хрупкий Лу Шии, с такой силищей Яньчи его бы точно затрахаи до смерти.

Ему было досадно, но этот парень, как назло, словно в припадке, всё выкрикивал «Лу Шии, Лу Шии», а его движения становились всё быстрее — очевидно, он был на грани.

Цзи Хуайчжэнь понял, что для Яньчи это важно. Больше, чем физическая близость, ему нужен был его отклик.

И чем громче он кричал «Лу Шии», тем упорнее Цзи Хуайчжэнь молчал, назло ему. Они словно соревновались, не уступая друг другу. В итоге они одновременно достигли вершины. И хотя их мысли в одной постели были разными, соитие получилось бурным и принесло обоим полное удовлетворение.

Цзи Хуайчжэнь был более чем доволен.

А вот Яньчи всё переживал, что не получил ответа. Он обнял его и не отпускал, словно щенок, выпрашивая ласку. Но Цзи Хуайчжэнь после оргазма не желал с ним разговаривать и лишь приказал обтереть его.

По логике вещей, если бы он сейчас проявил немного нежности, этот парень стал бы ещё преданнее. Но при воспоминании о страстных криках «Ши» во время секса Цзи Хуайчжэня начало подташнивать. Он даже на Яньчи смотреть не мог без отвращения. Укутавшись в одеяло, он снова отправил его в его «собачью конуру». — Я не привык спать с кем-то вплотную, — раздражённо бросил он.

Яньчи был ужасно обижен. Он подумал, что сделал ему больно, но всё равно был готов ухаживать за Цзи Хуайчжэнем, как за женой, и убаюкивал его, пока тот не уснул.

Во вторую стражу ночи Цзи Хуайчжэнь всё ещё не спал. После секса с этим неопытным юнцом он был так возбуждён, что желание снова вспыхнуло в нём. Он подумал: «Чего зря не спать? Ну, покричит он несколько раз "Лу Ши", что с того? Кусок от меня не отвалится».

И он сам спустился к Яньчи на пол, в ту самую «собачью конуру», от которой воротил нос.

Яньчи спал глубоко. Цзи Хуайчжэнь пробрался к нему и начал его ласкать. То, что было внизу, проснулось гораздо быстрее, чем то, что было вверху. Сквозь сон Яньчи обнял Цзи Хуайчжэня и, используя оставшееся внутри семя как смазку, вошёл в него. Его грозное оружие, хоть и было неопытным, но доставило Цзи Хуайчжэню такое удовольствие, что тот остался полностью удовлетворён и даже хотел ещё.

Обнажённые, они занимались любовью на полу ещё дважды.

Господин Цзи стонал, отбросив всякий стыд, и провоцировал Яньчи на безумства. Шум был таким, что Бай Сюэ, спавшая через три комнаты от них, не переставала материться, подозревая, что в кого-то вселился блудливый демон.

<http://bllate.org/book/15318/1368773>